

ПЕРСОНА

Она начала петь в девять лет. Ее грузинское имя — Тамрико. На эстраде она считает себя белой вороной. Уехала из Грузии в начале 90-х, когда там началась гражданская война. Четыре года жила и работала в Париже. Ее наивысшее творческое достижение того периода — концерт в парижской "Олимпии". В 90-е годы она выступала в основном за границей — в Америке, Канаде.

— Когда вы начали петь?
— В девять лет официально я стала участницей ансамбля "Мзиури". Мама заметила, что у меня хороший слух и замечательный, не совсем детский голос.

— Ваша любимая детская песенка?
— "Топ, топ, топает малыш". Но я знала не только детские песни, в три года я пела даже русские романсы. С надрывом. "Только раз бывает в жизни встреча".

— Как же вы это пели?
— Трудно сказать. Потом я перешла на "Дорогой длиною", потому что она больше подходила к возрасту. Даже есть записи моих детских выступлений на бобинах, на 38-й скорости. Всякие серьезные произведения я пела нарядно, естественно, с детскими обязательными песнями типа "Оранжевое небо".

— Как вам больше нравится — когда вас называют Тамарой или Тамрико?
— Ну, это смотря кто называет. Тамрико — это ласкательное имя, так говорят друзья, те, кто любит, или кого ты любишь. А Тамара — это официальное как бы.

— Когда вы победили в 81-м году на всеюношном конкурсе в Днепропетровске, все называли Тамрико?
— Я не помню. Зато я помню этот конкурс, с которого все началось. Потому что в Грузии многие замечательно поют и остаются неизвестными. Грузия небольшая страна, но с потрясающими певческими традициями.

— Сколько вам лет тогда было?
— 18.
— Вы думали о том, что нужен какой-то руководитель, директор, творческая группа?

— Я работала солисткой в коллективе, который существовал при Грузинской филармонии. Все остальные были администраторы, бригадиры. Директор филармонии, зам. директора филармонии, ответственные по репертуару, ответственные по камерному пению. Все были начальники, а я была солисткой.

— Что, по-вашему, нужно, чтобы стать настоящей артисткой?
— Гастроли — это, конечно, колоссальная школа. Если артист не будет гастролировать, а будет только выступать по телевидению, — ничего не получится. К тому же в то время все было "живьем", и пели только по-настоящему.

— Тамара Михайловна, как вы оказались в Париже?
— В 93-м году Лиграну послали мою кассету. Он услышал и назначил randevu. Это была удача, потому что мне даже не пришлось бороться, раздвигать кого-то локтями, или ждать его у концертного зала "Олимпия", чтоб обязательно с ним встретиться. Все произошло так же элегантно, как и вся его музыка. Работа с выдающимся поэтом Ж.Держаком, который писал для Пиаф. Концерты. "Олимпия". А еще раньше, в 88-м году, у меня был контракт с парижской компанией, которая записывала музыку к кинофильмам. Это было тогда как бы основным занятием. А в 90-м вы знаете, что в Грузии началось!

— Гражданская война.
— Да, я просто никак не могла вернуться в Тбилиси. Не летали самолеты, вообще никакого сообщения не было. Никто не учился, не работало, а общество разделилось на две части. Одни за Гамсахурдиа, другие — против. Моя семья оказалась заперта в Тбилиси, а я была в это время в Париже. Потом прилетела в Москву, в надежде вызвать хотя бы маму и моего сына. Потому что взрослым мужчинам — отцу, мужу, брату — как-то нечестно было уезжать от войны, а женщины и дети должны были на время уехать из этого ужаса. И мне удалось им помочь. Мама и Сандро приехали в Москву, и мы временно начали жить в гостинице "Пекин". Но, как говорят мудрые люди, нет ничего более постоянного, чем временное. Ребенок из гостиницы ходил в школу. Мы ждали, но война все не кончалась. Потом мы перешли в гостиницу "Москва" (сме-

БЛИЦ

— Вы поете на шести языках?
— Да.
— Москва — ваша вторая родина?
— Да.
— Вы поете в московских ночных клубах?
— Без комментариев.
— Снимаетесь в рекламе?
— Было такое.
— В Москве вас называют лицом кавказской национальности?

— Нет.
— Вас волнуют национальные проблемы?
— Да.
— Ваша мама еврейка?
— Да.
— Ваш сын Сандро учился в США?
— Да.
— Семейная жизнь удалась?
— Это как насчет ночных клубов.
— Сильнее всего в жизни вас трогают цветы и стихи?
— Да.
— Вы любите петь на театральных площадках?
— Да.
— По-вашему, публика удовлетворена музыкой и песнями, которые звучат на современной российской эстраде?
— Нет.
— Ваш образ — гордая женщина?
— Да.
— Вам вручили самую высокую награду Грузии — орден Чести?
— Да.

— Вы хоть раз пели под запись, под фонограмму?
— Нет, у меня даже таких мыслей не было. Я против фонограммы. Я хотела бы выступить в Думе против фонограмм. Пусть закон какой-нибудь примут.

— Вы поете на шести языках?
— Четыре из них я знаю. Грузинский, русский, английский и французский. На итальянском и иврите я просто знаю, о чем пою. К ивриту у меня особенное отношение. Во-первых, его звучание очень похоже на грузинский язык. Там "хы" есть такие. И слова надо растяжно произносить. И песни очень красивые на иврите. Это древний язык.

— Что вас связывает с Израилем?

— Я посадила дерево в парке Мира в Иерусалиме. Каждый год, когда я приезжаю в Израиль, всегда его навещаю. Дерево красивое. Просто абсолютно неземное ощущение, что мной посажено дерево в Иерусалиме. Оно как бы существует вместе со мной. В этом парке деревья от выдающихся деятелей, которые сделали для Израиля что-то полезное. Рядом Михаил Горбачев посадил дерево, Гельмут Коль. И после церемонии посадки я, конечно, пела (*напевает*). Правда, похоже на грузинскую песню?

— Ну, наверное, Тамара Михайловна, это похоже, потому что это исполняете вы?!

— Может быть...
— В клубах вы не выступаете принципиально?

— Нет, я выступала. Но это зависит от характера мероприятия и смотря под какой эгидой. Очень много выдающихся певцов поют в клубах. Хулио Иглесиас пел в "Тропикане" в Майами. И мне тоже приходилось там выходить на сцену. В Майами это известнейший, замечательный даже не клуб, а как бы мюзикл-холл, со сценой, со светом, все движется...

— Вы, я слышала, и с Сергеем Пенкиным выступали когда-то?

— Да, я считаю, что мы должны петь вместе, чтобы вытеснить фонограммщиков. Пенкин, Долина, Градский, Кобзон. Все должны петь. И не важно, какая аппаратура, главное — подарить людям свои замечательные голоса. Это самое главное.

— И еще один "коммерческий" вопрос: зачем вы снимались в рекламе шампуня?

— Может быть, из-за этого я потеряла каких-то своих поклонников, но рекламой занимаются очень многие. Это неплохие деньги. И очень серьезная фирма. До последнего дня я была, как говорится, против слова "перхоть". Нет у меня перхоти. Это, так сказать, несколько интимно, и такое известное лицо, как я, не должно так говорить. Мне сразу показалось, что это грубо. До последнего дня мне обещали, что этого не будет, а потом вдруг остановили.

— Поклонники от вас не отвернулись?

— Нет, ну что вы. И, кстати, среди поклонников попадаются очень забавные. Один моряк так хотел объясниться в любви, что моим музыкантам пришлось напиться его чаечай. Во время застолья он восклицал: "Я люблю вашу Грузию, столицу вашу Баку и вино ваше "Сулгуни" (*смеет*). Это стало у нас в коллективе крылатой фразой. Другой предлагал подарить грузовой самолет. Моя подруга, она с юмором, из Кутаиси, попросила заменить грузовой на пассажирский... Все благополучно закончилось букетом из ста роз и запиской, что к богиням, мол, нельзя с подобными словами приближаться, и лучше вообще ничего не говорить, а просто дарить им цветы и молча уходить. Этот случай запал в душу, потому что мужчина повел себя как рыцарь.

— Цветы и стихи вас особенно трогают?

— Да. Обязательно должны быть женщины, во имя которых мужчины пишут стихи.

— Помимо этого есть, наверное, очень много поэтов, которые почтут за честь, чтобы вы пели именно их стихи. Какой у вас критерий отбора?

— Я стараюсь вступать, как бы сказать, в долгосрочные отношения с поэтами и композиторами. Потому что нам нужно очень хорошо понимать друг друга. У меня большая дружба и совместные творческие удачи, связанные с Юрой Рыбчинским. Потом появился Симон Осиашвили, Женя Кобылянский. Мы как-то очень одинаково смотрим с ними на очень многие вещи. Юра, например, очень хорошо чувствует мой голос. Есть вещи, которые нам обидно дороги. Такие песни, как, например, "Виват, короли!" или "Мамины глаза", они всегда останутся в моем репертуаре. Каждое слово из этих песен я так пропустила через себя и прочувствовала, что это уже от меня исходит.

— Какую песню вас чаще всего просят исполнить на концерте?

— Обычно кричат "Виват, короли!". Но она у нас в финале. Народ хорошо реагирует и на грузинские песни. Многие не понимают языка, но, в общем, через темперамент и эмоции эти песни становятся всем близкими. Публика любит, когда я исполняю свой "парижский" цикл. Вы же понимаете, что моя публика — это интеллигенция страны. Учителя, врачи, педагоги — люди самых низкооплачиваемых профессий, но это, я вам скажу, люди, на которых сегодня держится страна.

— Это правда, что у вас бывают приступы звездной болезни? Я слышала, что вы бываете очень требовательны к каким-то мелочам?..

— Просто я со своим очень мягким характером попала в шоу-бизнес (ненавистное, кстати, мне слово). Я считаю себя человеком другой культуры. У меня все же два образования. Консерватория. Может, из-за этого я стала такая суевенная, что ли... Я должна непременно выходить с одной стороны сцены. На этой песне именно такой должен быть свет. Какого-то человека я не должна видеть до концерта и желательнее после. Я не хочу видеть первые три ряда. Мне важно, что за люди меня встречают на гастролях в другом городе. И это не капризы. Капризов у меня, кстати, нет. Просто профессия такая — оголяющая душу. Плюс огромный страх перед концертом. Как все пройдет?! Ответственность, в общем, большая.

— Вы оголяли душу не только на сцене, но и в программе "Женские истории". Зачем?

— Оксана Пушкина из меня просто все вытянула. Я же понимала, что программы не будет, если я буду рассказывать только о своих творческих достижениях.

— Вы считаете, программа получилась?

— Да. Самое главное в этой программе, что всех женщин очень жалко. Вот я смотрела на себя — прямо хочется плакать, какой-то индийский фильм. Какой ужас, думаю! (*Смеется*.) В этой программе жалко даже самых сильных. Вот появляется сильная женщина, Татьяна Васильева, — и тут же очень хочется плакать. Такая тяжелая женская доля. (*Смеется*.) В этой программе нас заставляют прославлять этих мужчин, о которых мы бы даже не хотели вспоминать. В общем, типичная женская история.

— А как вообще нужно относиться к мужчинам? Их надо обманывать, раскручивать или за дурачков держать?

— Я не такая вульгарная дама, чтобы держать их за дурачков. Просто, возвращаясь к "Женским историям", я против такого представления, что женщина такая бедная, что все мужчины ее обидели, несчастную, со всеми жизнь не сложилась. (*Смеется*.) Ну, не сложилась — так с другим сложится. В общем, такой хеппи-энд хотелось бы увидеть.

— В каком же контексте нужно говорить знаменитым женщинам о мужчинах в интервью?

— Можно рассказывать, как мешали эти мужчины творить. А то, как мужчины себя плохо ведут и какие они все одинаковые, когда плохо себя ведут, это и так ясно. Турок, итальянец, еврей или грузин — не имеет значения. Они все одинаковые, когда что-то не складывается.

— А был у вас мужчина, который положил свою жизнь ради вас?

— Нет. Положила жизнь на меня моя мама.
— Вы сильная женщина?
— Ни одна женщина, и я в том числе, на самом деле не сильная. Я думаю, сейчас сильными называют женщин, у которых честь и благородство стоят на первом месте, а потом все эти подлые женские хитрости. Иногда так хочется что-то натворить, но честь и воспитание тебе не позволяют... Про таких и говорят: она — сильная. Действительно, может быть, в этом и заключается сила?!

МНЕ ВЕЩАТЬ
НАДО
БЫТЬ
ЗВЕЗДОЙ

ется). Это сейчас смешно, а тогда мы были с плитками, с горшками, с кастрюлями — как табор.

— Как вы все это выдержали?
— Я просто очень признательна тем людям, которые были рядом со мной в то время, которые меня поддерживали, находили для меня работу. Доказывали, что мое место на большой сцене, что я не должна отчаиваться, как бы ни менялось правительство в Грузии.

— Много людей покинули в те годы Грузию?
— Я знаю, что уехали много людей культуры, нечего скрывать. Им тогда было очень сложно там оставаться.

— Это правда, что вы, приехав потом в Грузию, не могли там петь чисто физически?
— Да, у меня было такое. Я просто не могла взять ни одну ноту. Я приезжала туда и сидела, окаменевшая, у рояля. Мне рассказывали, что творилось и как это все было. Я даже не осмеливалась выступать там с концертами. Но потом стала давать благотворительные. В Кутаиси — на восстановление храма. В Тбилиси — для обездоленных детей. Так что я человек эмоциональный, и боль просто так не проходит.

— Что вы думаете про сегодняшние отношения Грузии и России? Почему они никак не налаживаются?
— Такой сложный вопрос. Даже если дипломату задать его без подготовки, он тоже начнет заикаться. Я знаю точно одно: что всегда надо учитывать интересы соседа. Это закон жизни, это закон Кавказа, это вообще закон человеческих отношений.

— А что стало с вашим мужем?
— Мне тяжело отвечать.

— Вы решили строить свою жизнь самостоятельно?
— Да. В общем, бывают ситуации, когда люди не могут дальше вместе идти. А причины могут быть самые разные.

— Вы вообще открываетесь с кем-то, у вас есть подруги?
— Хорошо душу изливает, только когда мама слушает. А мои консерваторские друзья живут в Тбилиси. Это действительно мои старые друзья, проверенные моей знаменитостью.

— Когда вы поняли, что вы стали знаменитостью?
— Когда сказали мне об этом.
— Они сказали, что вы звезда?
— Вы знаете, сейчас настолько девальвировано слово "звезда", что меня даже коробит, когда мне говорят: вот звезда пришла. Сейчас все звезды. Все абсолютно. Два такта спел, по телевизору показали — и уже звезды. Как говорит мой добрый друг Святослав Бэлза, раньше актрисы стремились стать звездами, а сейчас звезды стремятся стать актрисами.

— Поэтому вы и называете себя белой вороной на эстраде?

— Приходится такой быть. Потому что, когда выходишь из законов шоу-бизнеса, это всегда кого-то раздражает. Они боятся, как бы праздник не состоялся без них.

— Вы переживаете эту свою обособленность?

— Мне бы хотелось вообще об этом не думать. Хотелось бы просто творить, дарить людям эту потрясающую музыку. Жить в иллюзии, что ты на острове и что твои дела никого не волнуют (*смеется*).

— Поэтому вы одно время так любите выступать за границей? В Америке, например...
— Да. В Америке и Канаде. Но главное, что я выступила в Карнеги-холл. Туда не всех пускают.

Тамара ГВЕРДЦИТЕЛИ:
"Ненавижу шоу-бизнес"

